

ИОГАНН
ВОЛЬФГАНГ
ГЁТЕ

ГЕРМАН И ДОРОТЕЯ

Иоганн Вольфганг Гёте
Герман и Доротея

«Издательство АСТ»

1797

Гёте И.

Герман и Доротея / И. Гёте — «Издательство АСТ», 1797

«Герман и Доротея» – лирический шедевр о любви простого немецкого крестьянского паренька к случайно встреченной на дороге юной беженке из охваченной войной Франции.

Содержание

Каллиопа	6
Терпсихора	11
Талия	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Иоганн Вольфганг фон Гёте

Герман и Доротея

© Перевод. С. Ошеров, наследники, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Каллиопа

Судьба и участие

«Я не видал, чтобы рынок и улицы были так пусты.
Будто метлою прошлись по городу нашему, будто
Вымер он... Жителей в нем и полсотни, кажись, не осталось:
Что любопытство творит! Полетели вперед, как шальные.
Чтобы хоть глазом взглянуть на обозы беженцев бедных.
Добрый час до пути, где печальные тянутся фуры,
Но устремилась толпа, задыхаясь от зноя и пыли.
Я же с места не сдвинусь, чтоб видеть злосчастную долю
Честных людей, принужденных тащиться с добром уцелевшим.
Бросив родные места за Рейном, к нам перебраться,
В мирные наши углы, и по этой цветущей долине
Путь совершать, повинуюсь изгибам ее прихотливым.
Ты поступила похвально, жена, что по добросердечью
С сыном послала одежду, а с ней кое-что из съестного
Людям, попавшим в беду. Пособлять – добродетель имущих.
Ишь, как малец покатыл, как славно правит конями!
Знаешь, неплох шарабан! Новехонек, прочен, удобен.
Четверо в нем поместятся да спереди кучер на козлах.
Нынче один он поехал и тут же свернул в переулок», –
Так, опустясь на скамью у дома, насупротив рынка,
Молвил супруге довольный хозяин «Льва золотого».
И отвечала хозяйка разумно и простосердечно:
«Я расстаюсь, муженек, неохотно с тряпицею каждой.
Мало ль что может случиться – ее и за деньги не сыщешь,
Ежели надобность будет. Сегодня ж с открытой душою
Много я собрала рубашек и старого платья.
Нитки живой, говорят, на тех бедняках не осталось.
Я повиниться должна. Ведь кое-чего не хватает
И у тебя в гардеробе... Хотя бы халата из ситца
В пестрых индийских цветах, на фланелевой теплой подкладке.
Знаешь ли, он прохудился и стар, да и вышел из моды».
Но отвечал, усмехаясь, жене добродушный хозяин:
«Все-таки жаль мне халата: хоть старенький был он, признаться,
Да настоящий, индийский. Такого теперь не достанешь.
Бог с ним, его не носил я. Ведь нынче хотят, чтоб мужчина,
Встав, надевал сюртук, в длиннополый кафтан наряжался,
Ногу сжимал башмаком – не в чести колпаки и пантофли».
«Глянь, – возразила жена, – уже возвращаются люди
С тракта большого. Должно быть, обозы проехали дальше.
Как башмаки у всех запыленны! Как раскраснелись
Лица... Бредут, отдуваясь, фулярами пот утирая.
Нет уж, так далеко, да в жару, на зрелище это
Не побегу я глазеть. С меня и рассказов довольно!»

Многозначительно глянув, в ответ отозвался хозяин:
«Ну, не скажи! Погода отменная нынче для жатвы,
Хлеб мы сухим уберем, как сухим недавно убрали
Сено. На небе ясном и тучки нет на примете.
И спозаранку хлеба ветерок овевает прохладный.
Установилась погода. Пшеница наша доспела.
Завтра снимать урожай мы примемся, с помощью божьей».
Так говорил он; меж тем обыватели шли через рынок,
Всё прибывая в числе, по домам растекаясь неспешно.
Вот и сосед с дочерьми пересек оживленную площадь,
Резвых коней осадив у ворот подновленного дома,
Наискосок от трактира. Купец богатейший в округе,
Ехал он в легкой коляске (ландауской чистой работы).
Людными улицы стали, то был городок населенный.
Много в нем фабрик имелось, ремесла в нем процветали.
Так у ворот сидела чета, благодушно толкуя,
Острым словечком порой забавляясь насчет проходящих.
Тут обратилась к супругу хозяйка достойная, молвив:
«Видишь, пастор идет, а с ним и почтенный аптекарь,
Добрый сосед наш. От них до подробности все разузнаем,
Что им увидеть пришлось и что видеть не радует сердца».

Дружески оба они подошли и чете поклонились,
На деревянную лавку под вывеской самой присели
Пыль с башмаков отряхнуть, обмахнуться платками от зноя.
После приветствий взаимных аптекарь, молчанье нарушив,
С видом достаточно хмурым взглянул на прохожих и начал:
«Люди всегда таковы. Меж ними различья не вижу –
Рады пойти поглазеть, если с ближним беда приключится.
Каждого тянет взглянуть на свирепое пламя пожара
Или потешиться страхом преступника, ждущего казни,
Так вот любой и нынче бежит поглядеть на несчастье
Беженцев бедных, а сам-то и в мыслях того не имеет,
Что испытаньям таким подвергнется тоже, быть может.
Грех столь беспечным быть, но это сродни человеку».

Но возразил благородный и мудрый священнослужитель,
Юноша, близкий к поре возмужанья, города гордость, –
Жизнь он познал глубоко, разглядел ее скрытые нужды
И, просветленный высоким значеньем Святого писанья
(Этим ключом к помышленьям и судьбам существ человеческих),
Также изрядно знал и лучшие книги мирские, –
Он-то и молвил: «Не слишком суров я к стремленьям невинным,
Коими добрая мать-природа людей наделила:
Разуму и пониманью порой нелегко подступиться
К сути вещей, до которой доходим наитьем счастливым;
Если бы не любопытство с его притягательной силой,
Разве б открыл человек чудесное соотношение
Разных частей мирозданья? Сначала он к новому рвется,

После – полезного ищет с прилежностью неутомимой
И, наконец, приходит к добру, свой дух возвышая.
В юности спутник веселый – беспечность – пред ним заслоняет
Близящуюся опасность, врачует любые недуги,
Ранам несет исцеленье, лишь горе от сердца отляжет.
Ясно, того предпочтешь, кто сумел в дальнейшие годы
Этой веселости духа разумное дать постоянство
И к своему неослабно стремиться в счастье и в бедах,
Горечь утрат возмещая вовек нескудеющим благом».
Пастора мягко прервала, томясь нетерпеньем, хозяйка:
«Что там видали – скажите? Об этом узнать я хотела!»
«Трудно мне будет, – ответил с внушительной миной аптекарь, –
После того, что я видел, вернуться к веселости прежней,
Разве кто сможет поведать о разнообразных мытарствах?
Мы еще в дол не спустились, как стала видна в отдаленье
Пыль над проселком. Чредой от холма до холма бесконечно
Фуры тянулись. В пыли ничего различить не могли мы.
Только достигнув дороги, впродоль прорезавшей долину, –
В гуще воев и людей мятущихся мы очутились.
Много еще перед нами прошло горемык бесприютных,
Здесь-то мы и узнали, как тяжко и горько изгнание
И до чего хорошо сознавать, что жизнь уцелела.
Больно было, друзья, смотреть на скарб всевозможный.
В доме его не заметишь, затем что добрый хозяин
Все порасставит умело да с толком, чтоб каждая мелочь
Сразу была на виду, – все будет на пользу, сгодится, –
Нынче, любуйся, все это нагромождено на подводы,
Без толку, как приведется, накидано в бегстве поспешном!
Шкаф, а на нем решето с шерстяным одеялом в соседстве.
Выпер матрац из корыта, а зеркало под простынею.
Ах! Как мы видели это лет двадцать назад на пожаре:
Страх до того людей лишает ума, что нередко
Ценное бросят они, а безделицу из дому тащат.
Так же, глядишь, и теперь с неразумным усердием люди
Всякую рухлядь везут, лишь коней да волов утруждая:
Бревна гнилые да бочки, насесты для кур и кастрюли...
Женщины и ребятишки плетутся, под ношей сгибаясь,
Тащат узлы, кадушки, набитые хламом ненужным.
Да, человеку трудненько с последним добром расставаться.
Так, в беспорядке, в смятенье, дорогой знойной и пыльной,
Длинный тащился обоз: одни, на заморенных клячах,
Ехать шажком норовят, другие коней понукают.
Вдруг мы слышали вопли детей и женщин теснимых,
Рев и мычанье скота, вперемежку с лаем собачьим,
Охи и стоны больных, мольбы стариков, что высоко
Поверху всяческой клади мотались на жестких матрацах.
Ибо, свернув с колеи, телега в обочину ткнулась,
Резко скрипя колесом; накренилась вдруг и в канаву
Рухнула. В этот же миг людей, закричавших от страху,

Всех на дорогу швырнуло, но, к счастью, никто не убилися, –
Вслед сундуки повалились, но ближе к подводам упали.
Впрямь показаться могло свидетелям дела такого,
Что горемычных бедняг сундуки и шкафы передавят.
Так-то сломалась подвода и на поле люди лежали,
Но напрямик остальные свой путь продолжали поспешно,
Общим потоком влекомы и лишь о себе помышляя.
Кинулись мы на подмогу – и видим: больные и старцы,
Те, для которых и дома страдания долгие были
Невыносимы, стеная, лежат на земле распростерты,
На солнцепеке полднемном, в сухой удушливой пыли».
Тронутый речью такой, отвечал сердобольный хозяин:
«Хоть бы их Герман нашел и помог им платьем и пищей.
Я б не хотел их видеть. Мне тяжело быть зрителем горя.
Только прослышав о нем, мы растрогались и, не помедлив,
Малую лепту от наших излишков отправили, чтобы
Помощь подать хоть немногим и этим себя успокоить.
Но для чего воскрешать картины печальные? Разве
Страх или забота подчас и так не терзают нам душу?
Мне же такая напасть и самого зла ненавистней.
В комнату заднюю лучше пройдем, там, кстати, прохладно,
Солнце там не гостит и жарища сквозь плотные стены
Не проникает нисколько, а матушка полную чарку
Сорокалетнего нам принесет, чтоб забыться могли мы.
Здесь не успеешь и выпить, как мухи обсядут стаканы».
И удалились они и прохладой себя усладили.
Вот принесла им хозяйка вина стародавнего в темной
И засмоленной бутылке на цинковом круглом подносе,
Зеленоватые рюмки, в которых ренвейн золотится.
Чинно уселись втроем они за коричневый, прочный
Отполированный стол, приросший ножками к полу.
Звякнули рюмками тотчас сердечный хозяин и пастор,
Только аптекарь сидел, склонившись в раздумье глубоком.
И обратился к нему хозяин с приветливым словом:

«Ну-ка, сосед, отхлебни. Покуда нас от несчастья
Бог бережет и в своем милосердии не покидает.
Всяк согласится, что с дней приснопамятной кары господней,
Испепелившей наш город, к нам был благосклонен всевышний;
Нас он берег неустанно, как мы охраняем от порчи
То, что всего драгоценней, – зеницу нашего ока.
И неужели ж он впредь не будет к нам милостив также?
Только в опасностях мы познаем вседержителя силу.
И неужели ж тот город цветущий, который недавно
На пепелище возвел он руками граждан прилежных,
Вновь он сметет, чтобы прахом пошли все наши усилья?»

Бодро заметил на то примерный священнослужитель:
«Веруйте в господя твердо, пребудьте тверды в убеждениях,

Ибо и в счастье они укрепляют наш дух, а в несчастье
Нам облегченье несут, утешая прекрасной надеждой».

И отозвался на это хозяин разумно и веско:

«Как я глядел умиленно на волны могучего Рейна,
Если по сделкам торговым случалось к нему приближаться!
Мне он огромным всегда представал, мой дух возвышая.
Но не гадал я, не думал, что этот излюбленный берег
Вскоро в валом послужит, чтоб сдерживать натиск французов,
Рвом защитительным станет его величавое русло.
Как ограждает природа, как немцы страну ограждают,
Так и господь оградит нас, – кто в этом дерзнет усомниться?
Всех утомила вражда, и чуется мир недалеко,
Эх, кабы только дожидаться счастливой минуты, как в церкви
Колокола и орган в честь праздника с трубами вкупе
В хор сладкозвучный сольются, напеву вторя «Te Deum»;¹
Рад бы я был, если б Герман в тот день предстал перед вами
У алтаря со своею невестою, пастор любезный,
Чтобы торжественный день, встречаемый всею странюю,
Стал мне отраден вдвойне, как собственный праздник семейный.
Как-то неловко глядеть на взрослого парня, который
Дома всегда расторопен и боек, но робок на людях.
С ними якшаться ему, видать, удовольствия мало,
Даже девичьего круга чуждается он, равнодушный
К танцам изящным, юность влекущим к себе неизменно».

Так рассуждая, он слушал внимательно; вдруг издалека
Топот послышался конский, колеса вдали застучали,
И, грохоча, экипаж подкатил с разбегу к воротам.

¹ «Тебя, господи» (лат.) – начальные слова молитвы.

Терпсихора Герман

Только в раскрытых дверях показался сын благонравный,
Тотчас же пастор в него пронизательным оком взгляделся,
Весь его облик окинул, следя за его поведением,
Как наблюдатель, привыкший читать сокровенное в лицах,
И, озаряясь улыбкой, приветливо юноше молвил:
«Вас подменили как будто, досель не случилось ни разу
Видеть веселость такую в глазах ваших, в каждом движенье!
Чем-то вы очень довольны! Должно быть, этим несчастным
Роздали вы подаянье и радостью их умилились».

Скромно на эти слова отвечивал юноша чинный:
«Стою ли я похвалы – не знаю, но мне повелело
Сердце так поступить, как рассказ мой об этом покажет.
Матушка, вы, извините, так долго тряпье мне искали,
Узел с таким опозданием сготовили мне на дорогу,
Пиво, вино и съестное столь бережно клали в корзины,
Что не успел я далеко отъехать от нашего дома,
Как потекла мне навстречу толпа горожан любопытных –
Жены, ребята. Уж были изгнанники в поле далеко.
Я лошадей подхлестнул и быстро помчался в деревню,
Где беглецы, как слыхал я, намерены стать на ночевку.
Только свернул я с пути на проселок, как вдруг заметил
Фуру из крепких жердей, неспешно влекомую парой
Крупных и дюжих волов иноземной, как видно, породы.
Девушка рядом шагала, привычно и мерно ступая,
Длинным бичом на ходу понукая сильных животных.
То их подгонит вперед, то движеньем сдержит умелым.
Выждав, пока экипаж поравнялся с медлительной фурой,
Девушка молвила мне: «Поверьте, подобного горя,
С коим встречаетесь вы, доселе судьба нам не слала.
Мне подаянье просить еще не привычно, тем боле
Что подают его часто, чтоб нищего только спровадить.
Все ж заставляет нужда говорить. На охапке соломы
Нынче жена богача от бремени тут разрешилась.
Мука была для нее на волах по ухабам тащиться.
Мы потому и отстали, что еле дышит бедняжка,
Новорожденный лежит нагишом у нее в изголовье,
Только немногим помочь ей наши попутчики могут,
Если в ближайшей деревне, где мы ночевать собирались,
Нам их удастся найти, – но боюсь, что они уж в дороге.
Может быть, лишний кусок холста раздобудете; если
Неподалеку живете, тогда помогите несчастной».

Так говорила она, и, бескровная, сиюсь подняться,
Взор обратила ко мне роженица. И отвечал я:
«Добрым сердцам вседержитель воистину часто внушает
Мысль о нужде, предстоящей неведомым нашим собратьям:
Матушка, будто предвидя такую беду, мне вручила
Разного платья, чтоб я оделил им нагих и бездомных».
Узел я вмиг распустил и, сверток раскрыв, ей отцовский
Подав халат и вдобавок холстины ей дал и рубашек...
Женщина, вся просияв, вскричала: «Не верят счастливицы,
Что на земле чудеса и ныне творятся. Лишь в горе
Видишь всевышнего перст, указующий людям дорогу
К добрым делам. Через вас помог нам господь, и на вас же
Милость прольется его». И ощупывать стала холстину
И восхвалять, особливо подкладку из теплой фланели.
«Время не терпит, – заметила девушка, – едем в деревню,
Где до утра на привале пробудут попутчики наши.
Там смастерю для ребенка я всякую всячину за ночь».
Снова и снова меня поблагодарив на прощанье,
Дюжих стегнула волов, и фура поехала. Я же
Наших сдержал лошадей, размышляя, как быть: самому ли
Ехать мне в эту деревню и там съестные припасы
Между людьми разделить иль сподручнее тут же на месте
Девушке все передать, чтоб голодных сама оделила.
Но, порешив на втором, я тронул коней и поехал
Следом за нею, догнал и сказал торопливо: «Простите,
Добрая девушка! Вот я опять. Не одну лишь холстину
Мать уложила в коляску, чтоб мог приодеть я нагого,
Не позабыла она о съестном и напитках различных.
В ящике, что позади, – того и другого немало.
Я и надумал: вручу тебе и эти подарки.
Так-то я лучше всего свое порученье исполню.
Ты их со смыслом раздашь, а я – положившись на случай».
Девушка мне отвечала: «От сердца вам обещаю
Вправду порадовать ими того, кто нуждается больше».
Так мне сказала она. Поспешил я к задку экипажа,
Хлеба ковриги извлек, тяжелые вынул колбасы,
Фляги с вином и пивом и передал девушке в руки.
С радостью дал бы еще, но уже ничего не осталось.
Все приношенья у ног роженицы та уложила
И поспешила в деревню, а я повернул себе в город».

Только Герман замолк, как вмешался в беседу аптекарь
Словоохотливый: «Счастлив, кто в годы смуты, скитаний
И неурядиц живет один-одинешенек в доме.
Тот, в ком жена и малютки в тревоге не ищут защиты.
Мне это кажется счастьем! Да я ни за что б не решился
Нынче отцом называться, дрожать за жену и детишек.
Верите ль: неоднократно подумывал я об отъезде,
Лучшее в путь отбирал – старинные деньги и броши,

Матери милой наследство, – из них ничего я не продал.
Правда, со многим пришлось бы расстаться как с бременем
лишним,
Даже с лекарственной травкой, добытой с такими трудами.
Было б и этого жаль, хоть стоит она и бесценно.
Если останется в доме провизор – уйду я спокойно.
Спас я наличные деньги и брэнное тело, так, значит,
Все спасено! Не в пример одинокому легче укрыться».

«С вами, сосед, – возразил убежденно юноша Герман, –
Я не согласен. Мне речи подобные дики и чужды.
Тот не мужчина, кто в счастье и бедах, ниспосланных свыше,
Думает лишь о себе, не стремится ни грусть, ни веселье
С ближним делить и к тому побужденья не чувствует даже.
Именно в наши дни я б охотно на брак согласился, –
Сколько достойных девиц нуждается в мужней опоре,
Сколько мужчин без жены лишено утешенья в несчастье».
Молвил с улыбкой отец: «Вот это мне радостно слышать,
Речью приятной такой ты родителей жаловал редко».

Тут перебила отца добросердная матушка, молвив:
«Правда твоя, сынок, – поступай, как мы поступили,
Ибо нашли мы друг друга не в пору довольства и счастья.
Узами крепкими нас злополучное время связало.
Был понедельник – отлично я помню, ведь накануне
Страшный случился пожар, превративший в пепел наш город
Двадцать годов назад, как раз в воскресенье, как нынче.
Жаркое выдалось время, и город совсем обезводнел,
Шел на гулянье народ, разодетый праздника ради,
Кто потянулся в корчму, кто на поле, кто на плотину.
Где-то в предместье пожар занялся, и пламя вдоль улиц
Вихрем пустилось вперед, самое себя подгоняя...
Житницы, полные хлебом, незадолго снятым, пылали.
Улицы сплошь погорели до самого рынка. От искры
Домик отца занялся, а с ним по соседству и этот.
Самую малость спасли мы; на выгоне я просидела
Всю эту страшную ночь, сторожа сундуки и постели,
Но под конец задремала. Когда ж провозвестница утра,
Ранняя свежесть, меня, до костей проняв, разбудила,
Дым я увидела, гарь да голые стены и печи.
Сердце заныло от боли. Но солнце, обычного краше
И лучезарней, взошло и наполнило бодростью душу.
Я поспешила подняться. Меня потянуло увидеть,
Что от дома осталось и живы ль цыплята, которых
Так я любила. Не смейтесь, ведь разум-то был еще детский!
Тою порой, как я по развалинам тлевшим бродила,
Глядя на пепел и прах – на остатки от дома родного,
Ты в стороне показался, чего-то ища сокрушенно:
Лошадь застряла в конюшне, но только чернели средь щепня

Груды дымящихся бревен; скотины же – как не бывало.
Так, в нерешимости, грустно стояли мы друг против друга –
Не было больше ограды, что наши двory разделяла.
За руку взял ты меня и сказал неожиданно: «Лизхен,
Как ты попала сюда? Уходи! Обгорят ведь подошвы.
Пепел горяч, как огонь, сапоги – и то прожигает».
Ты меня поднял легко и понес по тропинке, пролегшей
Вдоль по двору. Ворота с полукруглым сводом стояли
Там, как поныне стоят. Это все, что осталось от дома.
Наземь меня ты поставил, целуя, а я застыдилась.
Ты ж обратился ко мне с приветливой, вкрадчивой речью:
«Видишь, в разоре мой дом! Остаься! И новый отстроить
Мне помоги! А в ответ я отцу твоему порадею».
Я ничего не смекнула, покуда к бабушке тайно
Мать не послал ты и сговор не кончился радостной свадьбой.
И с благодарностью чистой поныне я вспоминаю
Груды обугленных балок и великолепное утро,
Давшие мне дорогого супруга. Первые годы
Страшной разрухи совпали с младенчеством милого сына.
Вот почему и хвалю широту твоих побуждений,
Сын мой, что в трудные дни о невесте ты помышляешь
И не чураешься брака в годину войны и разора».

Тут вмешался отец и сказал с большим оживленьем:
«Мысли такие похвальны, к тому же не вымысел праздный,
Женушка, весь твой рассказ, – он верен от слова до слова.
Только что правда – то правда. Не каждому жребий назначен
Сызнова все начинать, о безделице всякой заботясь,
Да и не всем надрывать, как нам и другим приходилось.
Благо тому, кто в наследье устроенный дом получает,
Приукрашать лишь его остается такому счастливцу, –
Трудно начало во всем, а в хозяйстве домашнем тем паче.
Уйма вещей нужна человеку тут каждодневно.
Все дорожает – и, значит, готовь деньжонок побольше.
Вот почему на тебя уповаю, мой Герман, что вскоре
В дом отцовский введешь ты невесту с хорошим приданым,
Ибо порядочный парень достоин богатой девицы.
Ведь особливо приятно, когда за женушкой славной
Следом явится в дом и добро в сундуках и корзинах.
Умная мать неспроста запасает для дочки полотна,
Из года в год их готовя из тонкой и прочной кудели,
Крестный, глядишь, серебро столовое приберегает,
И потихоньку отец золотые сыпает в шкатулку
С тем, чтобы девушке также порадовать было возможно
Юношу, ей предпочтенье отдавшего перед другими.
Я-то ведь знаю, как вольно жена себя чувствует в доме,
Если знакомую утварь на кухне и в комнатах видит.
Скатерть своя на столе, одеяло свое на кровати.
Только невесту с достатком я принял бы в дом свой охотно!

Нищую станет супруг презирать и начнет обходиться,
Как со служанкою, с ней, что служанкой пришла с узелочком,
Люди несправедливы, а время любви скоротечно.
Да, мой сынок, ты б утешил отцовскую старость, когда бы
Ввел в свой родительский дом долгожданную дочку-невесту
Вот из того голубого, стоящего наискось дома.
Ведь богатей-то хозяин. От лавок и фабрик доходы
Он каждодневно считает. Купец и теперь не внакладе.
Трое детей у него – три дочери. Им по наследству
Все перейдет. У старшей – жених. Второй же иль третьей
Можно еще добиваться, но надобно быть расторопней.
Будь я на месте твоём, я не стал бы раздумывать долго.
Девушку вмиг отхватил бы, как маменьку я умудрился».

Скромно отвечивал Герман, отцовскою речью смущенный:
«Верно, я вам не перечил в желании вашем и думал
Дочку соседа просватать. Давненько мы знаем друг друга,
Сызмала вместе на рынке играли мы с ней у фонтана.
Часто от дерзких мальчишек в ту пору ее защищал я, –
Все это прошлое дело. Постарше девушки стали.
Время проводят в дому, недостойных забав избегая.
Слишком они щепетильны. Ходил я, как старый знакомый,
Время от времени к ним, сообразно с желанием вашим,
Но неприятно мне было в их пышном и чопорном доме.
Там задирали меня, там выслушивать мне приходилось:
Дескать, сюртук длиннополый, сукно неказисто и грубо,
Дескать, причесан нескладно, и волосы дурно завиты.
Тут и взбрело мне на ум нарядиться, подобно тем самым
Купчикам, что в воскресенье насупротив ходят, красуясь,
И полушелком дрянным щеголяют целое лето.
Только я вскоре приметил, что не к чему были старанья,
Горько мне сделалось, гордость моя возмутилась, всего же
Было больней потому, что моим побуждениям добрым
Отклика я не нашел, особливо у Минхен, у младшей.
Ибо, когда напоследок явился я к ним перед Пасхой
В новом камзоле, который с тех пор и висит в гардеробе,
Был я не хуже других наряжен и причесан по моде.
Только вошел я, они захихикали. Я не смутился.
За клавирами Минхен сидела, был тут же родитель.
Слушал он дочери пенье, блаженствуя, тая от счастья.
В песенке этой, однако, я многого просто не понял,
Только и слышал все время «Памина» и следом «Тамино».
Вставить словцо захотелось и мне. Лишь Минхен замолкла,
Робко спросил я о тексте, об тех неведомых лицах.
Прыснули со смеху все, на вопрос не ответа. Отец же
Молвил: «Должно быть, он знает одних лишь Адама и Еву!»
Хохот общий раздался. Смеялись девушки звонко,
Юноши вторили дружно, отец за бока ухватился.
Выронил шляпу из рук я, горя от стыда, а насмешки

Не унимались кругом, что б ни пели они, ни играли.
И поспешил я домой, досадой томим, оскорбленный,
Запер камзол свой в шкафу, растрепал щегольскую завивку,
Дав себе крепкий зарок – в этот дом ни ногою отныне.
Был я по-своему прав – бессердечны они и надменны.
Ходит молва, что у них я досель прозываюсь «Тамино».

Мать возразила на это: «Не должен бы, Герман, так долго
Быть на девиц ты в обиде, по сути они еще дети.
Минхен, ей-богу, добра и тебя посейчас не забыла,
Давеча лишь о тебе справлялась, ее и засватай».
Сумрачно сын отвечал: «Не знаю, уж слишком глубоко
То оскорбленье проникло мне в душу, и я не хотел бы
Видеть ее за клавиром и вновь ее песню услышать».

Вспыхнул мгновенно хозяин и голос на сына возвысил:
«Мало ты счастья принес мне! Про это не раз толковал я,
Видя, как ты отдаешь предпочтенье лишь коням да плугу.
То, что работник последний у честных людей выполняет,
Делаешь ты. Между тем отец твой без сына, который
Честь бы ему приносил, вращаясь средь граждан достойных.
Мать неизменно меня бесполезной надеждой кормила
С дней твоих школьных, когда не хотел ты прилежно учиться
Чтенью-письму, как другие, и в классе считался последним.
Так-то бывает всегда, если малый лишен самолюбья
И полагает излишним расти и умом возвышаться.
Если б со мной возились, как я провозился с тобою,
Определили бы в школу, держали б учителя в доме, –
Верь мне, я был бы почище хозяина «Льва золотого»!»
Сын поднялся и, ни слова не молвив, направился к двери,
Бледный, но с виду спокойный, а следом отец раздраженный
Бросил ему: «Убирайся, тебя-то я знаю, упрямец!
Ну и ступай себе с богом хозяйничать, чтоб не серчал я.
Лишь на носу у себя заруби, что крестьянскую девку
В дом ко мне не введешь как жену, – с мужичьем не якшаюсь!
Жил я на свете немало и знаю с людьми обхожденье –
Я господам угождаю и дамам, и всякий бывает
Мною доволен, – уж я подольститься к проезжим умею.
Но потому и хочу, чтоб невеста сполна возместила
Все, что я сделал для сына, заботы мои и расходы.
На клавикордах пусть дочка играет, и пусть в моем доме
Знать городская всегда с удовольствием, столь же отменным,
Ежевоскресно бывает, как там, у соседа». Дверную
Ручку тихонько сын повернул да из комнаты вышел.

Талия Граждане

Так от сердитых попреков послушный юноша скрылся.
Но продолжал отец разглагольствовать в этом же духе:
«Если чего-либо нет в человеке – того и не будет.
Вряд ли дождусь исполненья своих задушевных желаний,
Чтоб не таков, как родитель, был сын мой, а много повыше.
Ибо что случилось бы с домом, что случилось бы с городом, если
Каждый из нас не старался б поддерживать их, обновлять их
И украшать на манер иноземный, по нынешней моде.
Ведь человек не гриб, чтобы где-нибудь вылезть в овраге,
Покрасоваться да сгнуть на том же месте, где вырос,
Бренного существованья ничем на земле не отметив.
Глядя на дом, без труда угадаешь, каков здесь хозяин, –
Так же как, в город въезжая, поймешь, кто его опекает.
Там, где обрушились башни и стены, где в каждой канаве
Мусор скопился и мусор на улице каждой навален,
Там, где кирпич отстает и на место его не посадят,
Балки прогнили и дом месяцами ждет не дождется
Новой опоры, – там явно блюстители города плохи.
Где чистоту и порядок внедрять не стараются свыше,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.